

Марина Крамер
Роскошная хищница, или Сожженные мосты
Серия «Черная вдова Марина Коваль», книга 7

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=181055

Марина Крамер. *Роскошная хищница, или Сожженные мосты*: Эксмо; Москва; 2009

ISBN 978-5-699-34949-4

Аннотация

Казалось бы, Марина Коваль доказала право быть первой леди своего города. Пусть ее имя окружено ореолом уголовных дел, жестоких убийств и кровавых легенд. Она человек действия, и чья-либо смерть никогда не была для нее самоцелью. На крайние меры она идет лишь ради спасения собственной жизни или близких. Ноувы — врагов Железной леди по-прежнему предостаточно. Криминальный авторитет Ашот стоит за новой волной козней против нее. У него к Марине давние счеты. К тому же он угрожает убить телохранителя Коваль – Женьку Хохла. Этого Марина не потерпит: Женька – единственный по-настоящему родной ей человек, кроме маленького сына...

Марина Крамер

Роскошная хищница, или Сожженные мосты

В небольшом полутемном зале придорожного кафе за столиком в самом углу сидели трое. Нехитрая закуска, остатки шашлыка на тарелках, пустые бутылки из-под красного вина – обычный антураж для подобного места. Да и интерьер соответствующий. Посреди зала пьяно ржут пятеро дальнбойщиков, за их столом по-хозяйски расположились местные «дорожницы», предвкушая хорошую выручку. Мужчины за столиком в углу недовольно поглядывали на нетрезвую компанию, мешавшую разговору. Самый молодой что-то пробормотал, и его собеседники почтительно склонили головы. По манере держаться в молодом парне угадывался уважаемый человек. Он снова сказал что-то и полез в карман, достал небольшой конверт и положил на стол. Старший из мужчин взял его и сунул в карман кожаной куртки.

– И смотри – чтобы на этот раз без осечек! – предупредил молодой. – Я устал выбрасывать деньги.

– Не сомневайся. На этот раз все будет как надо.

* * *

– Господи, как холодно-то! – Марина поежилась, хватая халат и проворно натягивая его, чтобы согреться. Вырванное из теплых объятий сна и погруженное в холод спальни тело отказывалось подчиняться сознанию и стремилось обратно под одеяло. – Нет, все, пора вставать – дел по горло.

Она решительно двинулась в ванную и включила душ, но становиться под воду не спешила, потянулась сладко, улыбнулась своему отражению в зеркале, как делала каждое утро:

– Ну, что, дорогая? Вот и новый день? Выглядишь не особенно, но сейчас мы это исправим, да?

Это был ее метод пробуждения: Коваль всегда заставляла себя приходиться в рабочее состояние такими разговорами. Приняв душ и снова завернувшись в длинный мягкий халат, она пошла вниз, в кухню, заглянув по дороге в детскую, где сладко спал сын. Полчаса покоя у нее есть, успеет выпить кофе и покурить.

Моложавая, круглолицая женщина лет пятидесяти, одетая в цветастый брючный костюм, повернулась от плиты и приветливо улыбнулась:

– Доброе утро, Марина Викторовна. Как спали?

– Доброе, Дашенька. Батарея у меня ночью почему-то отключилась, – пожаловалась хозяйка, усаживаясь на высокий табурет перед барной стойкой и подвигая к себе чашку и джезvu с кофе, ловко подsunутую внимательной домработницей. – Замерзла, как Каштанка!

– Надо ребятам сказать, пусть в бойлерной посмотрят. – Даша подала пепельницу и пачку сигарет. – Егорка спит еще?

– Да. В какое время приедет Наталья Марковна?

– Обещала к одиннадцати.

Наталья Марковна – Егоркина няня, которую Марина наняла почти месяц назад. Спокойная, приятная на вид женщина с двумя высшими образованиями, в меру строгая, не повышающая голоса – Марине она приглянулась сразу, как только та увидела ее в парке. Она гуляла с девочкой лет двенадцати, и Коваль почему-то сразу определила, что это не бабушка

и внучка, а няня и воспитанница. Они чинно прогуливались по дорожке, и стильно одетая девочка, задрав голову, вслушивалась в слова женщины. Та что-то рассказывала, чуть наклоняясь к ребенку, обводила рукой парк, и девочка следила взглядом за полетом руки, а потом что-то спрашивала. Эта парочка выглядела увлеченной и почему-то сразу наводила на мысль о том, что девочка и женщина запросто находят общий язык и увлекательные темы для бесед. Подобное единение очень понравилось Коваль, наблюдавшей за ними со скамьи. Она присела перевести дух и выкурить сигарету – возвращалась с очередной беседы с мэром, решила пройтись по парку, расположенному прямо за зданием мэрии. Старые раскидистые деревья, почти кладбищенская тишина и теплая погода всегда успокаивали раздраженную чем-нибудь Марину. А сегодня еще и такая удача... нужно было немедленно что-то предпринять, чтобы заполучить понравившуюся няню для Егорки.

Откладывать дело в долгий ящик Марина не стала, поднялась со скамьи, отправив в урну окурки, махнула охранникам, топтавшимся неподалеку, быстро догнала гуляющую парочку и без всяких экивоков предложила няне работать у нее. Та была слегка шокирована, да и неудивительно – когда в парке к тебе вдруг подходит молодая, одетая в черное женщина, окруженная четырьмя охранниками... Но Наталья Марковна быстро взяла себя в руки и спокойно ответила на все интересующие Коваль вопросы. Оказалось, что девочка Соня на днях должна была уехать учиться во Францию, и ее няня оставалась не у дел, а потому приняла предложение и была приятно удивлена обещанным гонораром. Марина никогда не мелочилась в вопросах, связанных с единственным сыном, и хорошей няне заплатила бы даже в монгольских тугриках, если бы та вдруг пожелала. В общем, они поладили, и Егор наконец-то обрел нормальную няню, а Коваль вздохнула с облегчением: при своем образе жизни, как ни старалась, она не могла уделять сыну столько внимания, сколько требовалось. Разумеется, в выходные она занималась Егоркой сама, но в будни рядом с ним постоянно находилась Наталья Марковна.

На сегодня у Коваль был назначен ряд встреч, и она уже отчаянно опаздывала в офис.

– Дашенька, ты уж присмотри за Егорищем, если проснется, а то мне пора, – виновато попросила она, понимая, как тяжело придется немолодой уже Даше. Но после истории с молодой горничной и Марининым любовником Жекой Хохлом сама же Дарья и слышать не хотела о том, чтобы взять в дом еще кого-то.

Коваль уже почти перестала расстраиваться из-за Женькиной измены, почти перестала думать о нем, хотя он приезжал, забирал Егора, возил его в город, гулял с ним. Она сама так решила – ребенок очень привязан к нему, считает отцом, зачем ломать его психику? В то время, когда Женька приезжал, Марина старалась убраться из дома, чтобы не видеть его, не дать ему повода заговорить, прикоснуться, потому что тогда непременно сломалась бы. Что ни говори, а несколько лет он был с ней, Марина даже любила его по-своему, и теперь не могла простить обиды, нанесенной в ее же доме. И еще Коваль знала, что он тоже, как и она, вспоминает все, что было между ними, и ему тоже больно видеть ее и знать, что она не простит того, что он сделал. Поэтому-то и старалась сократить общение до минимума, а еще лучше – вообще не встречаться.

* * *

Сидя в кабинете в офисе, Марина пыталась сосредоточиться на финансовых отчетах, но это удавалось плохо, в голове постоянно мелькали посторонние мысли. И все потому, что сегодня на строительную площадку, где Коваль возводила новый стадион, должен приехать Ворон – ее компаньон. За этот месяц они как-то удивительно сблизились, много времени проводили вместе, и кто-то из Марининых охранников сообщил об этом факте Хохлу. Разъяренный Жека приехал с разборками, но был выставлен вон с заявлением, что Коваль

свободная женщина и может делать все, что считает нужным, не отчитываясь перед ним. Мстительный и злобный Жека затаил обиду, и Марина знала, что рано или поздно он попытается сквитаться.

Наконец позвонил Ворон, сообщил, что выезжает, и Коваль тоже поднялась из кресла, закрывая папку с отчетом. Завтра дочитает.

– ...Стройка века! – оглядев почти переделанную чашу стадиона, изрек телохранитель Сева. – Так мы и Москву переплюнем по масштабу, Марина Викторовна!

Она не разделяла Севиней радости: работы продвигались медленно, да и материал разворовывали, несмотря на все принятые меры. Но это ж Россия...

Работы по отделке трибун уже почти завершились, было установлено большое электронное табло, вышки с прожекторами. Оставались кое-какие недоделки в подтрибунных помещениях, бане и буфете, комментаторская кабина над центральной трибуной, а также отделка зала для пресс-конференций. Да еще укладка искусственного газона, на месте которого сейчас был сиротливый грязно-коричневый прямоугольник. Всего несколько шагов отделяли обновленный стадион от того момента, когда его трибуны наконец заполнятся болельщиками, а на поле появится футбольная команда. Но именно на этой завершающей стадии работа неожиданно застопорилась.

Марина вместе с охранниками стояла на окружавшей поле беговой дорожке – вернее, на том, что когда-то ею было – и недовольно осматривала стройку. Никаких признаков деятельности, ни одного рабочего на объекте, только из стоящего в самом дальнем углу строительного вагончика доносилась музыка и временами раздавался сочный мужской хохот.

– Если так пойдет, то мы и за десять лет ничего не увидим. – Коваль пнула сапогом валявшуюся упаковку от кирпича – поддон полетел в сторону, хлопая на ветру обрывками прибитого к нему целлофана. – Свиньи, блин! Хоть бы мусор убирали! Все, хватит лирики – где прораб?

Прораб материализовался через пять минут в сопровождении Гены и Данила, изрядно стухнул при виде Марины.

– Марина Викторовна... а что ж не предупредили? – залебезил он, вытанцовывая вокруг.

– Зачем? Чтобы ты успел навести марафет? И сделать вид, что все просто отлично? – Она смотрела на невысокого, кругленького, седоватого мужичка сверху вниз и видела, как его лоб покрывается мелкими каплями пота, хотя на улице было холодно, несмотря на конец марта. – Почему я опять не вижу рабочих?

– У них обед...

– Ну да, в одиннадцать часов самое время перекусить, – согласно кивнула Марина. – Здоровое питание, да? По часам? А кран простаивает, да?

– Так... кирпича-то нет...

– Почему нет?

– Не завезли... а тот, что был, мы уже того... использовали...

«Ага! Две трети использовали, судя по поддонам, – а остальное налево слили!» – со злостью подумала Марина, в упор глядя на окончательно взмокшего прораба.

– Слушай, что за детский лепет? – раздался у нее за спиной голос Ворона. Компаньон широкими шагами приближался к беседующим, полы его длинного расстегнутого пальто развевались от быстрой ходьбы, как огромные крылья. – Ты не знаешь, что делать в таких случаях? Звонить нужно, бревно ты! – в упор глядя на и так уже перепуганного прораба, бросил он.

Прораб забегал глазками, не зная, кого теперь чмокать в хорошо известное место – Марину или Ворона. Коваль же улыбнулась, небрежно протягивая компаньону руку, которую тот, вместо пожатия, поднес к губам.

– Приглашаю тебя в ресторан, дорогая, сейчас закончим тут, вздернем пару-тройку лохов, и поедем обедать, – совершенно серьезным тоном объявил Ворон, и Марине показалось, что от его слов прораба парализует.

– Совершенно согласна и тоже не вижу смысла в дальнейших разговорах, – протянула она, натягивая на руку перчатку. – Предлагаю просто замочить их тут всех на фиг – и дело с концом. Котлован, жаль, уже освоен, придется бетономешалку запускать...

Ворон включился в игру, стал оглядывать стройплощадку, словно подыскивая место для массовой казни, и прораб рухнул на колени, заголосив что-то о детях, внуках и жене. Коваль равнодушно окинула его взглядом, спокойно вынула сигарету и зажигалку, прикурила и отошла на пару шагов. Прораб пополз следом, продолжая выкрикивать что-то. Ворон презрительно сплюнул:

– Ну, что за мерзота, а? Как не мужик вроде.

Прораб голосил все громче, захлебываясь собственным страхом и давясь словами.

– Так, все! – прервала Марина поток его излияний. – Вставай и вали отсюда, и чтобы через две минуты все твои рабочие были на площадке и кипешились, а не в карты в вагончике играли! Иначе я оставлю здесь человек десять своих пацанов, и уж тогда времени даже на перекур не будет. Это ясно?

– Ясно, – мелко закивал головой прораб и проворно засеменял короткими ножками к вагончику.

Марина с Вороном от души посмеялись и поехали обедать в «Шар». Разумеется, наткнулись там на Женьку. Он сидел в общем зале, в самом углу, но так, чтобы хорошо видеть вход. Время было обеденное, и Хохол прекрасно знал, что Марина непременно заедет сюда. Судя по заставленному подносиками и тарелками столику, заседал он здесь уже никак не менее двух часов.

– Черт... – пробормотала Коваль, понимая, что обед сейчас будет безнадежно испорчен.

Хохол встал и ленивой походкой направился к ним. Марина успела затолкнуть обалдевшего от ее выходки Ворона в татами-рум и, задвинув расписную ширму, встать к ней спиной.

– Привет, – тоном, не предвещавшим ничего хорошего, начала она, вперив взгляд из-под челки в лицо приблизившегося Хохла. – Обедаем?

– Имею право, – заявил он. – Ты, смотри, тоже привычкам не изменяешь – в татами-рум одна не ходишь.

– И дальше?

– А что дальше? – он протянул руку и попытался поправить выбившуюся из прически прядь волос, но Коваль дернула головой, скривившись. Хохол сверкнул глазами, но смолчал.

– Ну, продолжай, что остановился. – Марина скрестила на груди руки и продолжала смотреть на него.

Женька не отводил взгляда, что было тоже ново. В его лице что-то словно изменилось, стало вдруг мягче, отчего его звериная рожа сделалась мечтательной и почти романтической. Он смотрел на Марину так, что та даже слегка смутилась. Поведение Хохла сбивало с толку, она ожидала чего угодно: скандала, ора, – но не вот этого нежно-печального взгляда.

– Коваль, ты долго еще будешь измываться надо мной? – неожиданно тихо спросил Женька. – Не наигралась?

– Я вышла из того возраста, когда интересно в такие игры играть.

– Я возьму Егора сегодня? – неожиданно перевел разговор на другую тему Хохол, и она даже растерялась немного.

– Да, конечно, забирай. Он будет рад...

«А ты?» – едва не вырвалось у Хохла, но он сдержался и сказал только:

– Тогда я приеду в пять.

Он повернулся и пошел к выходу, бросив на свой столик несколько бумажек. Марина так и не поняла, что это было за выступление. Подавив вздох, она заставила себя улыбнуться и вошла в татами-рум, где уже заждался пригласивший ее на обед компаньон. Ворон окинул ее любопытным взглядом, но ничего не спросил. Они сделали заказ и закурили.

– Как пацан твой? – поинтересовался Ворон, нарушая повисшую в татами-рум тишину.

– Спасибо, все хорошо.

– Что ж ты с Женькой-то разошлась? Ведь неплохо, кажется, жили? – вдруг спросил он, беря с подноса хаси и старательно укладывая их в пальцах.

Коваль пожала плечами и не ответила. Зачем постороннему человеку знать, что происходит в ее семье? Хотя это и так уже всем очевидно, ведь Хохол живет в съемной квартире возле Центрального рынка и его «навигатор» постоянно видят на парковке. По поводу «навигатора» была война: упертый Хохол не хотел забирать его, а Марина настаивала, и только угроза бросить в бензобак спичку возымела действие.

Вообще его уход оказался таким болезненным, что Марина старалась как можно реже об этом вспоминать. И хотя она сама выставила Хохла из дома, все равно в душе надеялась, что он упрется и не уйдет. Но Женька ушел, и это, как ни странно, заставило Марину сильнее его уважать – он смог, наконец-то, доказать ей, что он все-таки мужик, а не ручная болонка.

Ворон не стал настаивать на ответе, перевел разговор на тему стройки, и они весь обед прообсуждали, что и как теперь делать с поставщиками и подрядчиками. Маринины собственные рабочие отказывались подчиняться и откровенно саботировали все ее распоряжения, что было совсем уж странно. Не иначе, кто-то поработал с ними, по-другому быть не могло. Коваль примерно даже представляла, кто это мог быть – компаньон покойного Малыша, Иван, которому пришлось признать за ней право на контрольный пакет акций «МБК». «И если это так, то зря он это все затеял – здесь ему не Москва, между прочим, здесь я хозяйка». Осталось только проверить догадку...

С Вороном они расстались около четырех, у Марины как раз оставался час до приезда Хохла в «Парадиз», и она попросила водителя ехать быстрее, чтобы успеть собрать сына и скрыться самой, например, у Беса.

Однако номер не прошел – едва въехав в ворота коттеджа, они уперлись в припаркованный у гаража «навигатор».

– Елки, подсуетился... – пробормотала вполголоса раздосадованная Марина.

Тяжело вздохнув, она вошла в дом и обнаружила в каминной Женьку. Он встал с кресла, где расположился с чашкой кофе и сигаретой, помог ей снять шубку и сапоги. В ответ на удивленный взгляд пояснил:

– Егор спит еще.

– А-а... ну, подожди, скоро встанет, – равнодушно бросила она и пошла наверх.

– Не посидишь со мной? – спросил вслед Хохол, и Марина отрицательно покачала головой, даже не повернувшись.

Она прекрасно знала, что ведет себя неправильно, не надо обострять отношения, но иначе не получалось, ее по-прежнему захлестывала обида. И еще Марина твердо знала, что, стоит ей только позволить Хохлу прикоснуться к ней, она уже не сможет выставить его вон... Она так скучала по нему, было так тяжело ложиться одной в холодную постель, засыпать и просыпаться с сознанием того, что Женьки нет в доме... Но проклятая гордость не давала возможности признать вслух, что она любит его, что ей невыносимо одиноко...

Пока Марина переодевалась в домашние джинсы и футболку, встал Егорка и по привычке притопал к ней, залез на постель и развалился, раскинув ручки в стороны и хитро глядя на мать.

– Что, сыночка? Соскучился? – она прилегла рядом, потрепала его по розовой щечке, поцеловала пухлую ручку. – А знаешь, кто к нам приехал? Папа. Идем?

Взяв его на руки, Марина спустилась в каминную, где, как в гостях, в самом деле сидел Женька. Увидев его, Егор заблажил дурным голосом:

– Па-па! Папуя!

Она подошла к Хохлу и протянула ему сына, собираясь уйти, но он поймал за локоть и смиренно попросил:

– Не убегай, пожалуйста, побудь с нами.

Марина аккуратно высвободила руку, но осталась, села в кресло, отрешенно глядя на огонь в камине. Сын что-то лопотал, Женька делал вид, что понимает, с интересом вслушиваясь в его болтовню, а сам то и дело косил в Маринину сторону. Егорка вцепился в Хохла, совал ему книжку, лежавшую на столике, шлепал по ней ладошкой и смеялся, пытаясь заглянуть в лицо отца. Женька тоже улыбался, но как-то рассеянно и, скорее, Марине, а не сыну. Та же не обращала внимания, смотрела на языки пламени, ласково обнимавшие березовые поленья, и не могла объяснить себе, зачем осталась. Неужели ждала примирения? Или хотела просто побыть рядом с Женькой, одно присутствие которого всегда помогало ей и внушало уверенность? Но тогда почему ей так тяжело находиться в одной комнате с ним? Ответа на свои вопросы Марина так и не нашла, вздохнула в очередной раз и потянулась за сигаретами. Хохол тут же поднес зажигалку.

– Ты хотел куда-то его взять? – спросила она, не поднимая глаз.

– А ты хочешь, чтобы я уехал? – усаживая на колено Егорку, отозвался он.

– Мне все равно, просто спросила, – произнесла Марина, глядя мимо него.

– Может, поедем вместе? Просто погуляем по лесу, – предложил Женька.

– Не май месяц.

– Ну и что? Мы ненадолго. Поедем, пожалуйста.

Сама не понимая, как и зачем, она согласилась и пошла одеваться, успев заметить, как торжествующе улыбнулся Хохол.

Поехали втроем, Женька попросил Марину не брать охрану, и она снова поддалась. Видимо, подсознательно сама хотела остаться с ним наедине, без посторонних глаз. Пусть даже это глаза ее собственной и привыкшей ко всему охраны.

Они медленно брели по голому лесу; Марина все время смотрела под ноги, поддевая то и дело носком сапога замерзшие ветки. Егорка ковылял чуть впереди, а Женька в распахнутой дубленке шел рядом с Коваль и молчал так обреченно, что ей вдруг стало его жаль. Дотянувшись, она взяла его под руку, и Хохол вздрогнул, удивленно уставившись на нее.

– Что? – поинтересовалась Марина, глядя снизу вверх.

– Нет... ничего.

Его рука накрыла ее тонкую кисть, натянутую в черную лайку перчатки, и Марина даже через этот кожаный барьер почувствовала тепло. Она прекрасно помнила прикосновение этих рук к своему лицу, телу, то, как они гладили ее или сжимали, причиняя боль и оставляя синяки. Сердце заколотилось так, словно собиралось выскочить из груди, а к лицу прилила кровь, Коваль даже сама почувствовала, что краснеет. Хохол уловил ее состояние, остановился и, подняв за подбородок ее голову, поцеловал в губы, а потом крепко прижал к себе, шепча:

– Котенок... девочка... ну хватит, сколько можно? Ведь оба мучаемся... Маринка моя, прости меня, родная... я больше никогда... я ветру не дам на тебя дунуть, любимая моя...

– Женья... я... не могу... – выдохнула она, пытаясь освободиться и ненавидя себя за упрямство. – Это... так не должно быть... так неправильно...

– Я не пущу тебя больше никуда! – решительно заявил Хохол, держа ее за руку и волоча за собой в попытке догнать Егорку, убежавшего довольно далеко. – Ну-ка, стой! Егор, сюда иди!

Но мальчик, оглянувшись, только озорно глянул на отца и еще шустрее заковылял вперед. Помпон на капюшоне его курточки мотался из стороны в сторону, а Егорка хохотал и все бежал, удаляясь от родителей по тропинке.

– Подожди... куда ты меня тащишь? – пыталась вырваться Марина, но из железных Женькиных пальцев еще никто не выворачивался.

Он поймал и Егора, легко вскинул его на согнутый локоть свободной руки и развернулся к машине, устремляясь к ней почти бегом. Усадив обоих на заднее сиденье, Женька прыгнул за руль и рванул с места не хуже Марины, словно торопился на пожар. На ходу он вытащил телефон и набрал какой-то номер:

– Наталья Марковна? Здравствуйте, это Евгений Петрович. Вы ничем не заняты сейчас? Да, я хочу Егора к вам привезти на пару часов – у меня неотложное дело возникло, я не успею его домой отвезти. Можно, да? Спасибо.

Коваль про себя ухмыльнулась: предусмотрительный парень, успел и с няней личные контакты наладить, не поленился, отыскал номер телефона.

У дома Натальи Марковны они оказались буквально через десять минут, Женька вышел, забрал Егора и скрылся с ним в подъезде. Марина же все никак не могла понять, что делает сейчас, почему позволяет Хохлу вот так взять и увезти себя куда-то, не спрашивая согласия. И ведь сидит и покорно ждет, вот что странно! Может, так и должно быть? Может, пора и в самом деле успокоиться и дать Женьке возможность быть мужиком, хозяином? Вдруг так будет лучше?

Показался довольный Женька, сел за руль, закурил и повернулся к ней:

– Ну, поедем ко мне?

Марина промолчала, и Хохол, приняв это за согласие, обрадовался еще сильнее. У подъезда своего дома он припарковал «навигатор», открыл дверку, помогая ей выйти, потом, передумав, подхватил на руки, и Коваль не удержалась:

– Боишься, что сбегу?

– Боюсь, – честно признался он, нажимая кнопки кодового замка и открывая дверь подъезда. – От тебя вечно жди подвоха.

Квартиру Женька снял отличную – с евроремонтом, огромной гостиной, просторной кухней и спальней. В чуть приоткрытой двери ванной комнаты виднелась большая черная джакузи, установленная в углу на подиуме.

«Надо же, сдают и такие квартиры... И сколько, интересно, Женька отваливает за это счастье?»

– Нравится интерьерчик? – поинтересовался он, снимая с Марины шубку и присаживаясь на корточки, чтобы стянуть замшевые ботфорты.

– Неплохо. Дорого?

– По деньгам, – не остался в долгу Женька. – Могу себе позволить. Проходи, не стой, как в гостях.

Она уже и забыла, как это – оказаться в съемной квартире, такое было с ней только однажды, когда Коваль встречалась со своим заведующим отделением и женатый Костя, чтобы не вызвать подозрений, снял небольшую квартирку. Там они и встречались два-три раза в неделю. И вот теперь она опять сидит в чужой квартире с любовником... Дежа вю.

Хохол, видимо, предполагал подобное развитие событий, а потому подготовился: текила, оливки, креветки... Марина улыбнулась, глянув на него из-под челки:

– Ну, ты даешь! Знал, что соглашусь?

– Силой бы привез, – абсолютно серьезно ответил он, присаживаясь на подлокотник кресла и запуская руку в ее волосы на затылке. – Я больше не позволю тебе уйти.

Она смотрела ему в глаза и видела, что он не шутит, что настроен вернуть ее и сына, и никто и ничто теперь не заставит его остановиться.

– А если я все-таки не соглашусь?

– Значит, тебе придется убить меня, потому что по-другому ты отсюда не выйдешь, – наклоняясь, чтобы поцеловать ее, сказал Хохол. – Я не для того провел с тобой столько лет, не для того вынес то, что вынес, чтобы теперь потерять из-за глупой выходки с соплячкой. Неужели ты не понимаешь, что я люблю тебя?

– Жень... а если я тебя не люблю? – Марина смотрела ему в глаза и ждала, хотя ответ знала наизусть. Хохол не разочаровал.

– А мне все равно. Тем более что ты сейчас врешь, – снова и снова целуя ее, пробормотал он. – Возможно, ты не любишь меня так, как любила своего Малыша, но мне это и не нужно, я хочу быть собой, а не заменять кого-то. Котенок, у нас мало времени...

И он долго распинал ее на кровати в спальне, заставляя подчиняться его фантазиям, его рукам, губам. Настоящее безумие, но они не были вместе так долго... Никогда прежде она не скучала по нему и не придавала значения его отлучкам, но, стоило только расстаться на такой долгий срок, как выяснилось, что она может испытывать весьма и весьма сильные эмоции.

Женька распял ее все сильнее, она и сама удивлялась, а он только улыбался и не останавливался почти ни на секунду.

– Ты меня убила... – выдохнул он наконец, упав на живот поперек постели.

Он тяжело дышал. Столько долгих ночей он мечтал об этой минуте, когда сможет вернуть любимую и быть с ней, обнимать ее, слышать голос, прикасаться. Свершилось...

Марина легла на него сверху, дотянулась губами до уха и прошептала:

– Женька... мне пора...

Хохол медленно перевернулся, стряхнув ее на постель, потом осторожно обнял, поглаживая ручищей по животу:

– Ты серьезно говоришь?

– Да.

– Ну, я так и понял – прощения не будет, – констатировал Женька, отодвигаясь и садясь к спинке кровати. – Ты ни за что не изменишь своего решения, непустишь меня обратно. Ладно, поживем отдельно. А пока будем встречаться здесь.

– Это ты так решил? – удивленно вздернула брови Марина, и он кивнул.

– Да. И так будет.

– И ты думаешь, что я подчинюсь твоему решению, Женечка?

– Думаю, что подчинишься, – подтвердил Хохол, улыбаясь. – Потому что тебе без меня так же плохо, как и мне без тебя.

Марина сначала оторопела от этих слов, а потом расхохоталась и поцеловала его:

– Ты мерзкий шантажист! Как же ты прав сейчас, даже не представляешь! Но ты ведь прекрасно знаешь, что я не позволю тебе распоряжаться мною. – Она встала, взяла лежавший на стуле Женькин халат, завернулась в него и пошла в ванную.

«Ничего себе, разработал сценарий! Я, значит, должна подчиниться и выполнить его условия, иначе никак! Выдвигая подобные требования, он не подумал о том, что я не из тех, с кем это проходит. И я ни за что никому, а тем более ему, не признаюсь, что мне плохо. И условия всегда диктую только я, и по-другому не будет».

Вернувшись из ванной, Марина начала одеваться, стараясь не смотреть на по-прежнему лежащего Женьку.

– Уже уходишь? – в его голосе послышалась насмешка.

– Да.

– Ну, тогда подожди, я же не расплатился за услуги.

Она дернулась, как от удара хлыстом, а Хохол с совершенно серьезным видом порывлся в кармане джинсов и протянул ей пятьсот долларов. Коваль взяла деньги, скомкала и швыр-

нула ему в лицо, повернулась на каблуке, собираясь уйти, но он догнал ее, схватил, выкручивая руки, и впился в губы. Как она ни была зла и рассержена, но не ответить на его поцелуй просто не могла, застонала, забрасывая ногу ему на бедро.

– Продолжим? Ты ведь уже не торопишься домой, моя сладкая? – прошептал он, сдирая с нее свитер и расстегивая лифчик. – Я так люблю тебя, такую...

И все повторилось снова, только с еще большей страстью, как будто эта Женькина выходка только подстегнула их.

– Черт... пятьсот – мало... – прохрипел Хохол, сжимая рукой ее грудь. – Ты меня разоришь... Да-а... ты просто нечто... За что ты выгнала меня, Маринка? – вдруг спросил он, нависая над ней. – Неужели из-за этой беспонтовой курицы? Это непохоже на тебя, моя красавица.

– Женька... давай не будем говорить об этом. – Марина закрыла глаза, прислушиваясь к тому, как его рука поглаживает ее плечо, шею, спускается к груди. – Мне так хорошо сейчас, я не желаю ни о чем думать...

– Тогда давай просто помиримся и перестанем изводить друг друга.

– Поцелуй меня... – она притянула его голову к своей груди, чувствуя, как Женькины губы бродят по телу, целуя его. – Да... еще, родной...

«...Интересно, как долго можно вот так любить друг друга?..»

* * *

И все же она уехала. А ему запретила даже подниматься на крыльцо, потому что знала: не удержится, оставит... Приняв у Хохла сонного Егорку, Марина, чтобы не видела охрана, на мгновение прижалась губами к Женькиной щеке и прошептала:

– Не обижайся, родной... Ты позвони мне, как приедешь, хорошо?

Женька кивнул и пошел к машине, а она поднялась в детскую, раздела сына и уложила его в кроватку.

Подождав, пока он совсем уснет, пошла к себе, крикнув Даше, чтобы принесла ей чай в спальню. Переодеваясь в гардеробной в халат, Марина заметила синяк, красовавшийся на груди, и усмехнулась: Хохол в своем репертуаре. Пробежалась по отпечатку Женькиных губ пальцами, испытывая странное удовлетворение от болезненного ощущения. Это всегда удивляло ее – по всему выходило, что она должна бояться боли и испытывать страх перед ней, а Марина, наоборот, ловила кайф.

Она уже лежала в постели под одеялом и смотрела новости, когда позвонил Женька:

– Ты еще не спишь, котенок?

– Нет, смотрю телевизор.

– А я лежу мордой в подушку – она тобой пахнет, – признался он. – Я помню этот запах – ты никогда не меняешь духи, сколько лет тебя знаю, столько их и помню. И от этого запаха у меня внутри все в клубок сворачивается. Что на тебе сейчас надето?

– Ничего, – улыбнулась Коваль. – Кроме огромного синяка на груди...

– О-о! – застонал Хохол. – Я сейчас приеду...

– И думать не смей! Не пушу! – абсолютно серьезно заявила она, заворачиваясь в одеяло.

– Слушай, давно хочу спросить, – вдруг совершенно другим тоном заговорил Женька. – А с Вороном-то что у тебя?

Марина расхохоталась, поняв, что этот вопрос мучает ревнивого Женю все то время, что он живет отдельно. Он прекрасно знал ее и ее привычки, а также то, что Коваль очень быстро находит замену любовникам. Но с Вороном была отдельная песня: она его абсолютно не привлекала, это был один из немногочисленных случаев, когда мужику ничего не надо

было от Марины, кроме бизнеса. Все это она честно выложила Женьке, но он, кажется, не поверил и не успокоился. Ну ничего, пусть побудет в тонусе, это полезно. Попрощавшись, Коваль положила трубку и улеглась, плотнее закутываясь в одеяло.

* * *

– ...Мама... мама... – В самое ухо щекотно дышали, и Марина открыла глаза, обнаружив под одеялом прижавшегося к ее боку Егорку.

– Привет, родной! – она поцеловала его в нос и потрепала по щеке. – Ты давно тут лежишь?

Егорка не ответил, обнял мать за шею и спрятал свою мордочку в ее волосах. Они еще немного поваялись, обнявшись, а потом Марина решительно откинула одеяло и понесла Егора в ванную.

– Мама – плюх, плюх! – Он тянул руки, и Коваль поняла, что ей сейчас придется обливать его холодной водой, как Женька приучил.

Со вздохом сняв с полки ведро, Марина набрала воды, поставила Егорку в ванну и опрокинула содержимое ведра сверху. Сын заверещал, довольный, что утро началось так, как он привык.

– Ну, беги отсюда, я в душ! – она надела на Егорку теплый халат, слегка шлепнула по попе и, выставив за дверь, зашла в душевую кабину и включила воду.

Коваль уже досушивала феном волосы, когда в дверь спальни осторожно постучала Даша:

– Марина Викторовна, доброе утро! Там к вам тренер этот приехал... имя все не выговарю...

– Младич? – удивилась Марина, выключая фен. – Ну, скажи, пусть ждет, я сейчас.

«Ты смотри, приехал-таки! А ведь еще неделю назад, вернувшись со сборов в Испании, пытался меня убедить, что решил не подписывать контракт и поискать себе другое место работы. Я ж еще тогда сказала Комбару, что с таких дурных денег умные люди не спрыгивают. А Младич не дурак, ох не дурак, и прекрасно все понимает. А выставлялся только с единственной целью – набить себе цену. Хорошо же...»

Матвей, правда, не разделял ее оптимизма и все убеждал поискать на всякий случай замену, но Коваль не собиралась делать этого, и вот оказалась права – Младич приехал.

Чуть тронув тушью ресницы и натянув джинсы и майку, она спустилась в гостиную. Даша уже подала кофе и свежие, только что из духовки, слоеные «языки», и Марина поморщилась: ведь знает, что хозяйка с утра ничего не ест, а от ее плюшек отказаться не в состоянии, значит, пару штук отведает, и потом будет страдать от боли в желудке.

– Даша! Я же просила! – укоризненно проговорила Коваль, садясь в кресло.

– Марина Викторовна, так вы сильно не налегайте, а от одной ничего не будет, – заявила Дарья, наливая ей кофе. – Вот и господин...

– Да зовите меня просто Мирко, так будет удобнее, – вклинился Младич, удивленный тем, что Марина никак не отреагировала на его приветствие.

– Да, Мирко... и он тоже позавтракает, – закончила Даша, выходя из гостиной.

Порой домработница забывала, кто она, и начинала играть роль мамыши, донимая хозяйку любовью и заботой. Иногда это Марине нравилось, но в моменты, когда в доме были посторонние, она просто из себя выходила от Дашиного «материнского» внимания и тона.

– Ты даже не поздоровалась, – заметил Младич, с обидой глядя на Марину.

Коваль взяла с подноса пачку сигарет, демонстративно закурила, прекрасно зная, что табачного дыма и курящих женщин Мирко не выносит. Ничего, для президента придется сделать исключение. Он поморщился, но вслух ничего не сказал.

Докурив, она принялась за кофе со слойкой.

– Чего сидишь, присоединяйся, – предложила, как ни в чем не бывало, и Младич осторожно поднял с блюдца свою чашку. – Смотрю, ты все-таки решил одуматься?

– В смысле? – морщась от обжигающего напитка, переспросил он.

– А в том самом смысле, что приехал ко мне, а не стал искать счастья где-нибудь в другом месте. Молодец, голова работает.

Младич вдруг засмеялся, откинувшись на спинку кресла, а потом, отсмеявшись, серьезно посмотрел на Марину:

– Ты думаешь, мне жить надоело? Неужели ты считаешь, что Корлеоне настолько глуп, что не просчитал, чем может обернуться отказ?

– Да? И чем, если не секрет? – поинтересовалась она невинным тоном, делая вид, что рассматривает свой идеальный маникюр.

– Слушай, ну, хватит уже! – попросил Младич. – Я ведь не слеп и не глух.

– Это хорошо. И, поскольку ты не глух... – Коваль неожиданно наклонилась и взяла его за галстук, притягивая к себе, а потом зашипела в самое лицо: – Так вот, раз ты не глух, услышь меня – никогда не пробуй больше испытывать мое терпение, ты понял? У меня очень слабые нервы, я легко выхожу из себя и потому запросто могу что-нибудь этакое выкинуть! Больше никаких разговоров про отъезд, ты понял?! – Она разжала пальцы и приняла ту же непринужденную позу, в которой сидела до этого.

Младич был в шоке, хотя пора бы уже и привыкнуть к непредсказуемым выходкам своего президента. Марина наблюдала за тем, как он приходит в себя, и на какую-то секунду ей даже стало стыдно, но потом она успокоила восставшую совесть: Младич сам виноват – не надо было заводить разговор об уходе из команды.

– Мирко, – заговорила она уже абсолютно другим тоном. – Так когда мы планируем подписание контрактов с игроками? Период заявки заканчивается...

– Да-да... а Николай Дмитриевич когда вернется? А то без директора клуба как-то...

«Ну понятно – с молодым Колькой тебе проще решать вопросы, чем с его взбалмошной тетушкой!» – усмехнулась про себя Марина, но вопрос о возвращении Николая был до сих пор открыт, и она не знала, придет ли племянник вообще. Да еще после того, что произошло между ней и ее братом...

– Я не думаю, что это такой принципиальный момент – присутствие директора клуба. Контракт заключается между президентом и игроком, а я здесь, слава богу. Начальник команды тоже имеется. Так что, думаю, завтра и подпишем, – подытожила она, чтобы снять все вопросы. – У тебя еще что-то ко мне? С жильем все в порядке?

– Да, нормально. Послезавтра жена прилетает.

– Насовсем?

– Нет, на месяц пока, а там видно будет, – неопределенно ответил Младич. – Я поеду, пожалуй. – И он встал, отряхивая несуществующие пылинки с идеально отглаженных брюк. – Значит, увидимся завтра в офисе?

– Да, увидимся. Даша, проводи Мирослава Йожефовича!

Марина поднялась в детскую, обнаружив там Наталью Марковну и Егора, занятых чтением книжки. Егорка то и дело закрывал ладошками личико, делая вид, что ему смешно, а няня посмеивалась, наблюдая за потешными гримасками.

– Добрый день, Марина Викторовна, – приветливо улыбнулась она, заметив в дверях привалившуюся к косяку Марину. – Мы решили про репку почитать, заодно успокоиться немного, а то расшалились что-то, да, Егор?

Но Егор уже не слушал ее, затаскивая мать в комнату и дергая за руку, чтобы села на пол. Она подчинилась, и сын тотчас забрался к ней на колени, целуя в щеки.

– Соскучился уже?